

© 1996 г. Ф.ДЖ. НЬЮМЕЙЕР

СПОР О ФОРМАЛИЗМЕ И ФУНКЦИОНАЛИЗМЕ В ЛИНГВИСТИКЕ И ЕГО РАЗРЕШЕНИЕ

Эту работу надлежало бы начать с извинения за амбициозность ее названия. Никакой краткий очерк не может претендовать на разрешение насчитывающего десятки, если не сотни лет спора между формалистским и функционалистским подходами к языку. Тем не менее мы попытаемся сосредоточиться на том, что разделяет эти два подхода, попробовав при этом отделить действительные различия между ними от различий в расстановке акцентов или же различий, определяемых той или иной краткосрочной исследовательской стратегией.

Контроверза, лежащая в основе дебатов, обусловлена тем обстоятельством, что разных грамматистов волнуют два весьма разных вопроса. Первый можно назвать Когнитивным Вопросом; им на протяжении десятилетий задавались Хомский и другие генеративисты [Chomsky 1986]. Это попросту вопрос "Что составляет знание языка?"

Второй вопрос можно назвать Типологическим Вопросом, а именно: "Чем обусловлены частота встречаемости и имплицативные отношения тех или иных грамматических элементов в языках мира?" Из недавних работ, посвященных этому вопросу, можно упомянуть [Comrie 1989; Croft 1990].

Каждый из этих двух вопросов привел к очень разным ответам, которые, на первый взгляд, серьезно противоречат друг другу. В попытках ответить на Когнитивный Вопрос многие лингвисты пришли к постулированию того, что существует некоторое множество грамматических принципов-примитивов, не сводимых ни к семантическим, ни к дискурсным первоначалам. И более того, сложность, абстрактность и недоступность этих принципов для непосредственного узнавания приводят к выводу, что они, должно быть, являются в значительной степени врожденными.

Ответы же на Типологический Вопрос лишь изредка включают постулирование подобного рода автономных грамматических принципов и неизменно строятся вокруг понятия ф у н к ц и й языка, в частности его коммуникативной функции.

Таким образом, эти два вопроса приводят к разительно несхожим ответам. Действительно ли эти ответы противоречат друг другу? Является ли стандартный ответ на Когнитивный Вопрос несовместимым со стандартным ответом на Типологический Вопрос? Я бы сказал, что в п р и н ц и п е здесь не должно быть неразрешимого противоречия. В конце концов, попытка объяснить возникновение рака легких у Джона Смита отчасти генетической предрасположенностью (аналог Когнитивного Вопроса) не является несовместимой с попытками объяснить, почему 17% из числа заядлых курильщиков страдают от какого-либо легочного заболевания, тогда как среди некурящих таких только 3% (аналог Типологического Вопроса).

Взяв вполне банальный пример, предположим, что нас интересует относительное расположение в предложении подлежащего, дополнения и глагола-сказуемого¹. Формалист, ориентируясь на Когнитивный Вопрос, возможно, укажет, взаимодействие каких параметризованных универсальных принципов допускают те или иные виды порядка

¹ В англоязычной традиции изучения порядка слов, как известно, принято говорить о подлежащем (subject), дополнении (object) и глаголе (verb), соответственно формулируя утверждения о порядке посредством формул типа SOV и т.п. (Прим. перев.).

слов в грамматике конкретного языка. Функционалист, отвечая на Типологический Вопрос и стремясь предсказать, какие порядки слов наиболее распространены в языках мира, возможно, станет апеллировать к принципам, связанным с дискурсными стратегиями, упаковкой информации и т.п. Конфликт между этими двумя подходами вовсе не является обязательным.

Видимая глазу несовместимость, однако, появляется тогда, когда объяснительные средства, используемые одним лагерем, начинают отвергаться (по прагматическим, методологическим или стратегическим причинам) представителями другого лагеря. Так, например, формалист Дж. Эмондс утверждает, что в грамматиках всех языков подлежащее предшествует сказуемому на наиболее исходном (most underlying) уровне ментальной репрезентации [Emonds 1980]. В 10% языков мира (в частности, в уэльском и самоанском) действует конкретно-языковое правило грамматики, "передвигающее" сказуемое в позицию перед подлежащим. Заметим, что ничто в программе функционалистов не запрещает такого развития – в принципе вполне возможно функционалистское объяснение того, почему в уэльском и самоанском возникло подобное правило передвижения, а в других языках нет. Но функционалисты, будучи увлечены Типологическим Вопросом, чрезвычайно неохотно признают "неповерхностные" правила грамматики, твердо полагая, что при условии полного понимания функциональных сил, действующих в языке, в таких правилах нет нужды.

Тем не менее хотелось бы думать, что приступая к функциональному анализу, никто не станет слепо отбрасывать "неповерхностные" уровни как нерелевантные для ответа на Типологический Вопрос. Хотя, конечно, с чисто эмпирической точки зрения доказательство их существования представляет значительные трудности, большинство классических функционалистов, насколько я понимаю их позицию, неизменно отвергают эмпиризм и склонны приписывать человеческому мышлению сложную структуру (даже если они отрицают необходимость в постулировании сложной и богатой структуры собственно грамматического характера). Так что проблема исходных уровней, можно надеяться, будет разрешаться на практике по мере углубления исследовательских программ в рамках обоих подходов.

Видимая несовместимость между этими двумя подходами углубляется далее в силу того, что формалисты апеллируют к врожденным принципам грамматики, единогласно отвергаемым функционалистами. Так, если взять положение Эмондса о том, что все языки на самом абстрактном уровне синтаксической репрезентации демонстрируют порядок SV, то, в силу различных соображений, следует заключить, что такое явление должно иметь какую-то природную подоплеку, быть как-то связано с геномом человека.

Однако тезис о врожденности, как мне кажется, может и вводить в заблуждение. Некоторые функционалисты, кажется, полагают, что в порождающей грамматике принципы, обнаруживающиеся через посредство грамматического анализа, всегда с необходимостью оказываются врожденными. Но это мнение абсолютно ошибочно. Тезис о врожденности – это в ы в о д, а не посылка. Насколько мне известно, ни один лингвист-формалист не апеллировал к врожденности п р и ф о р м у л и р о в к е какого-либо универсального принципа грамматики. Скорее, наоборот, тот или иной принцип формулируется на основе эмпирических данных, а тезис о его врожденности (коли таковая ему присуща) выводится из его абстрактности и недоступности для восприятия ребенка при изучении им языка.

Между прочим, стоит отметить, что функциональное объяснение не является полностью исключенным даже применительно к врожденным принципам грамматики (хотя оно вполне может быть и неправдоподобным). Ведь существует вполне понятный функциональный механизм биологической эволюции, а именно естественный отбор. И действительно, некоторые ученые уже рассматривали возможность того, что определенные аспекты наших грамматик могли давать преимущество в плане естественного отбора (см., например [Bickerton 1990; Pinker and Bloom 1990; Newmeyer 1991]).

Аналогично и некоторые формальные принципы вполне могут иметь функциональное объяснение. Правда, некоторые функционалисты твердо стоят на том, что порождающая грамматика в принципе и с к л ю ч а е т возможность функционального объяснения к а к и х - л и б о языковых явлений. Но те, кто придерживается подобного взгляда на порождающую грамматику, попросту ошибаются. Многие формалисты не отвергают возможности того, что принципы грамматики имеют в конечном счете функциональные объяснения. Например, в своей получившей развитие в дальнейшем работе "Условия, накладываемые на трансформации" Хомский [Chomsky 1973] предположил, что условие запрета субъекта (specified subject condition) и принцип "А над А" (A-over-A principle), возможно, объясняется потребностью сокращения неоднозначности высказывания, т.е. увеличением надежности стратегии, соотносящей соответствующие аргументы и предикаты. Применительно к современной теории это может означать, что аспекты теории связывания (binding theory) и теории ограничения (bounding theory) имеют функциональное объяснение. Действительно, в работе [Berwick and Weinberg 1984] утверждается, что принцип вассальности (principle of subadjacency) имеет функциональное объяснение, а именно то, что он нужен для облегчения грамматического разбора. А в работе [Chomsky and Lasnik 1977] отмечается, что предлагаемые авторами фильтры, возможно, также имеют перцептуальную мотивировку. Поскольку большая часть этих фильтров вошли в Теорию надежда, можно заключить, что и данный модуль универсальной грамматики частично имеет функциональное объяснение.

Мною была выдвинута идея, что мотивированы функционально могут быть даже крупные разделы автономной формальной грамматики [Newmeyer 1991]. В частности, автономную грамматику осмысленно рассматривать как результат необходимого развития в процессе координации резко не совпадающих компонентов формы (звука) и значения. Кстати, первыми эту идею взяли обсуждать не генеративисты, а два экспериментальных фонетиста, опиравшихся на исследования свойств мозга и голосового тракта (см. [Mattingly 1972; Liberman 1974]). Точно так же я высказал предположение, что уровни глубинной структуры и логической формы развились в ответ на потребность языка в иконическом выражении предикатно-аргументных и кванторных отношений [Newmeyer 1992]. Если что-то из сказанного верно, то глубинные синтаксические уровни, действительно, мотивированы функционально.

Более того, генеративисты не являются – или по крайней мере не должны являться – догматиками в том, что касается сферы действия самой автономной грамматики. Теперь уже не существует "экстремистов от формализма", склонных упрямо втискивать в формальную грамматику все мыслимые языковые факты. Вопрос, тем самым, состоит в том, с к о л ь м н о г о е должно объясняться автономными синтаксическими принципами. В рамках порождающей грамматики выдвигались многие разные варианты тезиса об автономности. Хомский занимает вовсе не столь жесткую позицию, как думают многие. Прежде всего, из сферы действия этого тезиса он всегда исключал лексические единицы, утверждая, что лексическая семантика тесно переплетена со всем тем, что связано с фактами и убеждениями [Chomsky 1975]. А в последнее время он все больше признает грамматическую взаимосвязь между синтаксической и тематической (т.е. семантической²) информацией – взять хотя бы его желание вывести фреймы субкатегоризации из тематической информации [Chomsky 1986]. А некоторые генеративисты даже начинают выступать за семантическую трактовку синтаксических понятий контроля, предикации и связывания [Jackendoff 1990].

Короче, стандартный ответ на Когнитивный Вопрос не обязательно находится в противоречии со стандартным ответом на Типологический Вопрос. Поиск функциональных объяснений вполне совместим с представлением о существовании в сердце языка автономной грамматической системы.

² Тематическими, или тета-отношениями в генеративистской теории называется то, что в более привычной для отечественной традиции терминологии, восходящей к Филлмору, трактуется как семантические падежи – агенс, пациенс и т.п. (прим. перев.).

Теперь я хочу сделать несколько замечаний в защиту того, что, как мне кажется, является весьма дискуссионным тезисом. А именно, я намерен утверждать, что формальный анализ во временном и логическом отношении *предшествует* функциональному анализу. Короче говоря, если цель состоит в ответе на Типологический Вопрос, то сперва придется выработать какую-то формальную теорию.

В качестве первого шага в своих рассуждениях я остановлюсь на моменте, который представляется совершенно бесспорным. Любой функциональный анализ – это анализ, направленный на объяснение определенных формальных языковых особенностей и их дистрибуции. А чем же еще он мог бы быть? Из этого трюизма следует, что перед тем как приступить к функциональному анализу, необходимо *проделать хоть какой-то формальный анализ*. Поэтому проблема заключается только в том, *какой* *объем* формального анализа нужен как предпосылка для проведения анализа функционального. Мой ответ сводится к тому, что необходим *намного больший* объем формального анализа, чем согласны признать иные функционалисты.

Начнем с некоторых типологических универсалий, составляющих основу для многих функционалистских теоретизирований. Как я ранее заметил, стимулом для функционалистских изысканий в значительной мере послужил вопрос об относительном расположении подлежащего, дополнения и сказуемого в языках мира. Ну, и откуда нам *знать* в отношении каждого конкретного языка, что в этом языке является подлежащим, а что дополнением? Разумеется, нам не хотелось бы, чтобы подобная идентификация опиралась на семантические роли соответствующих элементов (т.е. на то, являются ли они агенсами, пациенсами или чем-либо еще) или же на их функции в дискурсе (т.е. на то, кодируют ли они топики или новых участников). Питая надежду *объяснить* тот или иной порядок слов семантическими или дискурсивными факторами, вряд ли следует давать семантические или дискурсивные в основе своей *определения* подлежащего и дополнения, ибо такое рассуждение было бы равнозначно вращению в самом что ни на есть порочном круге.

Другими словами, нам нужна формальная характеристика подлежащего и дополнения. Так вот, как ни прискорбно, во многих языках и во многих конкретных случаях подлежащие и дополнения *вовсе не бросаются в глаза с первого взгляда*. Чаще всего для их идентификации требуется провести формальный грамматический анализ.

Позволю себе привести еще несколько примеров. В работе [Hall 1992] было предложено весьма привлекательное функциональное объяснение того, почему в языках мира суффиксы превалируют над префиксами. Холл предлагает объяснение, апеллирующее к процессам обработки: кратко, префиксы предполагают гораздо большее умственное напряжение со стороны совершающего грамматический разбор, и поэтому они появляются реже, чем суффиксы. Как признает Холл, ни идентификация суффиксов и префиксов, ни подача их на вход парсера не могут быть достигнуты путем мимолетного наблюдения. Поэтому Холл посвящает несколько глав своей книги обзору и пересмотру, по мере необходимости, генеративных теорий словообразования, использующих понятия "префикс" и "суффикс" в качестве теоретических конструкторов. Хотя основное объяснение у Холла носит функциональный характер, он вполне последовательно использует основные догматы генеративной теории – вплоть до того, что готов поддержать гипотезу, согласно которой репрезентация лексических единиц (в их словарной форме) является абстрактной и недостаточно специфицированной, как то и предполагается нотацией, принятой в современной генеративной фонологической теории.

Затем встает также проблема отнесенности к той или иной категории, т.е. вопрос о том, является ли конкретная единица именем, глаголом или чем-то еще. Десятки функционалистских публикаций посвящены доказательству того, что категориальная отнесенность может быть обусловлена семантически или дискурсно (см., например [Dixon 1977; Wierzbicka 1986; Thompson 1988]). Но опять же, если хотеть в подобных исследованиях избежать порочного круга, то надо учитывать, что идентификация синтаксических категорий и отнесение конкретных лексических единиц к той или иной ка-

теории обязательно предполагают формальное определение набора категорий в языке.

Наконец, возьмем проблему поверхностных составляющих. Все функционалисты, кроме наиболее экстремистски настроенных, признают существование иерархической структуры составляющих. Действительно, НС-репрезентации используются в большинстве работ, опирающихся на понятие иконичности. К этому понятию, например, прибегали в попытках объяснить универсалии, касающиеся каузативных конструкций в языках мира [Haiman 1983]. Хорошо известно, что существует корреляция между степенью опосредованности каузации и близостью морфем, обозначающих каузацию и объект каузации. Теперь заметим, что в ряде языков морфема косвенной каузации представляет собой самостоятельное слово, а морфема непосредственной каузации является связанной. Физическое расстояние между этими морфемами и той, которая обозначает объект каузации, обычно одинаково в обоих случаях. Со структурной точки зрения, однако, это расстояние различно, поскольку в случае косвенного каузатива между морфемами лежит более ощутимая граница (граница слова). Отсюда мы заключаем, что любое объяснение, вовлекающее понятие иконичности, предполагает наличие теории, описывающей формальную структуру.

Но для установления структуры составляющих случайного наблюдения недостаточно. Как заметил Дж. Хокинс в своем интересном сравнении формалистского и функционалистского подходов, "только развернутая аргументация, привлекающая массу правил и структур данного языка, может предоставить решающие свидетельства относительно группировки слов во фразы. Простого наблюдения поверхностных структур здесь недостаточно" [Hawkins 1988: 93].

Есть еще одна причина того, почему формальный анализ предшествует функциональному. Сами типологические универсалии зачастую бывают более прочными, когда в основе их лежат не семантически или функционально, а формально определяемые категории. По замечанию М. Драйера, "после работы [Гринберг 1963] стандартной практикой в типологии порядка слов стало идентифицировать различные категории, полагаясь главным образом на семантические критерии" [Dryer 1992: 120]. Однако Драйер показал, что такая практика глубоко ошибочна. Многие относящиеся к порядку слов корреляции, объяснению которых он посвятил так много усилий, через семантические категории (такие как "слово-негатив" или "видо-временное слово") необъяснимы. Но если обобщения построены с опорой на ф о р м а л ь н ы е характеристики, то они с легкостью обретают свое место. В той же самой работе Драйер показал, что в основе предложенных Гринбергом корреляций порядка слов лежит именно направление ветвления (branching direction) – формальное понятие *par excellence*, – а не семантически или функционально обусловленные зависимостные отношения (head-dependency relations).

Похожее соображение можно высказать и касательно относительных предложений. В своей важной пионерской работе Б. Комри и Эд. Кинэн установили, что существует иерархия доступности для релятивизации: наиболее доступным является подлежащее, а наименее доступным – обстоятельство сравнения [Keenan and Comrie 1977]. Но им пришлось постулировать несколько разных стратегий релятивизации, действующих в конкретных языках, и признать существование очевидных исключений из данной иерархии. Я склонен считать, что эти осложнения – результат того, что в основу иерархии была положена функциональная категория "относительного предложения" (relative clause). Можно утверждать, что они исчезнут, если начать апеллировать к чисто структурным факторам – взаимодействию структуры составляющих конкретного языка и конкретному воплощению в нем принципов универсальной грамматики³; на самом деле, есть основания полагать, что сама данная иерархия является вторичной (эпифеноменальной).

³ Имеется в виду, конечно, специальное понимание универсальной грамматики, разрабатываемое в генеративной грамматике (прим. перев.).

В упоминавшейся выше работе Драйера предлагается парсинговое объяснение типологических фактов языковой структуры. Но грамматический разбор (парсинг) – это процесс, при котором из сплошного речевого потока восстанавливается дискретная структура. Другими словами, мы видим, что функциональное объяснение *par excellence* решающим образом зависит от формальной структуры. Я думаю, правильным будет признать, что наиболее убедительные функциональные объяснения из доселе выдвигавшихся были именно парсинговыми объяснениями (см., например [Hawkins 1994]). Между тем, существуют серьезные основания считать, что парсинг предполагает обращение к абстрактным структурным уровням, а не просто к поверхностной структуре составляющих. Например, эксперименты по пониманию эллиптических предложений заставляют предполагать, что в грамматическом разборе предложения играют роль нулевые элементы – такие, как следы⁴.

Что же касается уровней представления, то практически все функционально-типологические исследования порядка слов основывались на *поверхностном* порядке. Существуют, однако, исследования, показывающие, что типологические корреляции наиболее мощно проявляют себя как раз на *исходном* (underlying) уровне. Например, в работе [Everett 1987], посвященной языку ягуа⁵, доказывалось, что на уровне исходной структуры этот язык характеризуется порядком SVO, а не VSO, хотя в реальном дискурсе порядок слов VSO является более частотным. И, как оказывается, гринберговские корреляции проявляются именно на глубинном уровне.

Существуют и другие резоны сконцентрироваться на формальном анализе, прежде чем обращаться к функциональному. Один из них является чисто методологическим – формальный анализ позволяет лучше конкретизировать подлежащие объяснению факты. Возьмем, например, многократно обсуждавшуюся проблему аглийского синтаксиса – тот факт, что предложение *Who did John read a book about?* "О ком Джон читал книгу?" является совершенно безукоризненным, однако *Who did John destroy a book about?* "О ком Джон порвал книгу?" звучит явно странно. Это обстоятельство обнаружилось как следствие интенсивного формального изучения процессов передвижения *wh*-составляющей и оголения предлогов (*wh*-movement and preposition stranding). Ранние попытки объяснить данное различие были по своей природе формальными – постулирующими действие *ad hoc*-ового правила экстрапозиции в процессе деривации предложения *Who did John read a book about?* [см. [Bach and Horn 1976)]. В настоящее время корректным представляется функциональное объяснение странности предложения *Who did John destroy a book about?* в духе соображений П. Дина [Deane 1988] и С. Куно [Kuno 1987]. Суть, однако, заключается в том, что само столкновение с подлежащими объяснению фактами было прежде всего побочным продуктом формального анализа.

Вдумайтесь, какое множество интереснейших фактов, относящихся к множеству различных проблем – связыванию, контролю, извлечению, нулевым подлежащим, конфигурационности и т.д. – выявилось благодаря формальному анализу. Конечно, никто не может доказать, что они не были бы обнаружены в ходе исследований других типов, но факт остается фактом – именно через посредство формального анализа они были извлечены на свет.

Методологический приоритет, который я отдаю формальному анализу, дополнительно поддерживается тем обстоятельством, что во многих областях лингвистического исследования мы обнаруживаем, что форма "работает" независимо от значения и функции. Такое заключение, конечно, ведет к поиску формальных принципов *per se*. Позвольте мне начать с грамматических моделей. Ныне фактически ни один функционалист не отрицает существование в языке произвольных структур, т.е.

⁴ Не имеющие поверхностного выражения термы, постулируемые теорией следов (одним из направлений исследований внутри генеративизма) на месте передвинутой или удаленной составляющей (*прим. перев.*).

⁵ Распространен на границе Перу, Бразилии и Колумбии (*прим. перев.*).

таких, которые не имеют прозрачной функциональной мотивировки. Существенна, однако, систематичность таких структур. Чем систематичней они, тем больше оснований для их независимой характеристики. А язык, между тем, систематически изобилует "произвольными" структурами. В свое время я опубликовал описание одного конкретного примера – английской конструкции с инверсией вспомогательного глагола, типа *Has she left?* "Она ушла?" Такая формальная инверсия ассоциирована с вопросами (только что приведенный пример), препозицией отрицательных наречий (*Never have I seen her so happy* "Никогда я не видел ее настолько счастливой"), некоторым подклассом субъюнктивных конструкций (*Had I known, I would have come earlier* "Знал бы я, пришел бы пораньше") и конструкциями с препозицией *so* (*John ate a frog. So did I* "Джон съел лягушку. Я тоже")⁶. При этом мало того, что перечисленные употребления инверсии как формального средства различны с семантической и формальной точек зрения – структурные условия каждого из случаев ее применения идентичны. И это обстоятельство заставляет очень серьезно отнестись к предположению о существовании некоторой формальной, структурной системы, которая позволяла бы охарактеризовать соответствующие обобщения (более подробное обсуждение см. в [Newmeyer 1991]).

Некоторые функционалисты были склонны преуменьшать или отрицать структурные закономерности в точности по той причине, что эти последние не являются отражением закономерностей семантических или же функциональных. Так, У. Крофт отказывал в какой-либо значимости тому факту, что в английском языке родовые именные группы и именные группы во множественном числе без детерминанта представляют одну и ту же структуру, просто на том основании, что в других языках такое тождество грамматических моделей места не имеет. По той же, в сущности, причине Б. Комри преуменьшал параллелизм внутренней структуры предложений и имен в английском языке. Такая аргументация поражает меня своим изрядным априоризмом. Грамматист должен приходить в в о с х и щ е н и е, обнаруживая и характеризуя обобщения тогда и там, когда и где они обнаруживаются. Если они допускают внешнее объяснение – отлично. Если нет, то в силу обнаружения этих обобщений мы, тем не менее, узнаем кое-что о том, как работает язык.

Рассматривая изменения языка мы – и это неудивительно – находим случаи, в которых изменения являются обусловленными чисто внутренне, т.е., как представляется, движимыми одними лишь структурными факторами. Собственно, идея о возможности таких изменений восходит по меньшей мере к А. Мартине [Martinet 1955], который апеллировал к необходимости сохранения симметрии в грамматических парадигмах как фактору языкового изменения. Позднее Д. Лайтфут [Lightfoot 1991] высказал гипотезу о том, что, приняв некоторые весьма сильные ограничения, относящиеся к срабатыванию механизмов овладения языком под влиянием опыта ребенка, можно объяснить ряд синтаксических изменений. Например, он предположил, что глубинный порядок слов в английском языке довольно-таки "обвальным" образом изменился от SOV к SVO в среднеанглийский период тогда, когда количество грамматических указаний на конечную позицию глагола в главном клаузе достигло некоторого порогового низкого значения.

Идея, согласно которой языковые изменения в существенной степени сводятся к функциональным факторам, приводящим в движение формальные, не подкрепляется историческими свидетельствами. Как заметила Дж. Николс в своей книге "Лингвистическое разнообразие в пространстве и времени" [Nichols 1992], часто как раз структура лимитирует содержание и функцию, и грамматические категории, которые традиционно рассматривались как сущностно семантические, на самом деле управляются структурными тенденциями и могут быть проанализированы как чисто формальные. Например, во многих случаях представляется, что за семантикой именных классов скрываются чисто формальные согласовательные признаки.

⁶ Примеры добавлены переводчиком.

Пожалуй, наиболее впечатляющим свидетельством в пользу существования автономной систематической структуры, предоставляемым изучением языковых изменений, является феномен "почти слияний". В "Звуковой модели английского языка" Н. Хомский и М. Халле [Chomsky, Halle 1968] предположили, что различавшиеся в XVI в. произношения слов *mate* и *meat* в XVII в. совпали. Потом, несколькими поколениями позже, те слова (и только они), которые наследовали изначальному *mate*, сохранили свое новое произношение [meɪt]. Остальные же совпали с наследниками *meet* [произносятся [mi:t]]. Над Хомским и Халле за эту гипотезу премного потешались из функционалистских соображений: как и почему язык мог бы сохранять в живых различие, которое не играет никакой роли в фонемном, а следовательно, и семантическом противопоставлении? Однако У. Лабов [Labov 1994] обнаружил, что феномен сохранения подсознательного фонемного различия реально зафиксирован в современном языке. В филаделфийском английском фонема [e] в позиции перед [ɹ] сдвинулась в центральный ряд и совпала с [ə:], так что *merry* "веселый" и *murray* "багровый" одинаково произносятся как [mɛ:ɹɪ]⁷, *ferry* "паром" и *furry* " меховой" одинаково произносятся как [fɛ:ɹɪ] и т.д. Произношение кажется совершенно одинаковым даже для тренированного лингвиста, и филаделфийцы, конечно, отрицают, что они произносят слова из приведенных и им подобных пар по-разному. Однако они действительно произносят их по-разному – чувствительная аппаратура оказывается в состоянии это различие зафиксировать. Как и на раннем этапе развития современного английского языка, фонемное различие, не имеющее никакой функциональной значимости, остается живым.

Суть сказанного при этом не в том, что языковое изменение никогда не бывает обусловлено функциональными факторами – или бывает обусловлено ими редко. Это не так; функциональная обусловленность, конечно, имеет место. Мой пафос заключается в том, что исторические факты того типа, в пользу существования которого свидетельствуют Лайтфут, Никольс и Лабов, могут быть объяснены только в том случае, если мы признаем существование в сердце языка некоторой структурной системы. Эта система может подвергаться внешнему функциональному воздействию – но также и действию чисто внутренних факторов, ведущих к ее перестройке.

Теперь вернемся к использованию языка. Никто не может отрицать, что говорящие эксплуатируют различные структурные возможности для передачи различных типов информации. Мы, например, не используем активный залог в тех же коммуникативных условиях, в которых используем пассивный. Говоря по-русски, мы варьируем порядок подлежащего, дополнений и сказуемого в соответствии с тем, какую информацию мы хотим передать. Является ли, однако, этот факт вызовом существованию автономной структурной системы? Конечно, нет. Он полностью согласуется с возможностью того, что мы овладеваем системой и обучаемся использовать ее в коммуникации. Но вот что поддерживает идею о существовании у нас интернализированной структурной системы, так это тот факт, что в конкретных случаях использование языка оказывается управляемым этой системой.

Так, например, Дж. Уайнер и У. Лабов [Weiner and Labov 1983] исследовали, в каких случаях использование пассивной конструкции является нормой. Стандартный функционалистский ответ на этот вопрос заключается в том, что пассив может использоваться для того, чтобы "затенить" агента действия, если он неизвестен или неважен, и в тоже самое время выразить топиальность не-агента. В свою очередь,

⁷ По специальному разъяснению автора статьи, таково стандартное произношение второй из этих двух лексем в американском варианте английского языка. Зафиксированное в основных распространенных в России словарях британское произношение слова *murray* (равно как и топонима Мутрай) – [mʌɹɪ]. Впрочем, это обстоятельство никак не влияет на логику аргументации, для которой важно не качество гласного, а структурное совпадение на уровне сознательного восприятия (прим. перев.).

такая расстановка акцентов используется для того, чтобы достичь максимальной эффективности информационного обмена в дискурсе.

Уайнер и Лабов пришли к выводу, что функционалистский ответ не является полностью неверным. Но они также обнаружили, что использование пассива является функцией его предшествующего употребления в дискурсе. Другими словами, в реальной речи важным мотивирующим фактором употребления пассива является желание говорящих поддержать структурный параллелизм.

В других исследованиях выявились аналогичные связанные с параллелизмом эффекты в употреблении вопросов и конструкций с косвенным дополнением. Эти результаты не кажутся удивительными с учетом многочисленных ныне психолингвистических свидетельств того, что формальные черты языка обрабатываются в значительной степени независимо от его семантических и формальных черт. Что же касается психолингвистических результатов, как будто бы ставящих эту гипотезу о модулярности обработки под сомнение, то во многих случаях было показано, что в них упускался из внимания чрезвычайно краткий латентный период, предшествующий тому моменту, когда начинается вклад более интегральной стратегии обработки (см. обзор литературы в [Newmeyer 1988]).

Если бы в распространении языковых вариантов внутри языкового сообщества были бы задействованы факторы, связанные преимущественно с эффективностью передачи информации, то у функционалистов было бы серьезное оружие против гипотезы о стабильности и существенной иммунности грамматики взрослых носителей языка по отношению к функциональному влиянию на нее. Такие факторы, однако, не действуют. Как было показано в [Weinreich, Labov and Herzog 1968] и более поздних исследованиях, изменения распространяются через посредство социальных факторов – таких, как престиж и социальная идентичность, а отнюдь не в силу стремления к приданию грамматике формы, более эффективно обслуживающей потребности дискурса.

Подведу предварительный итог. Я утверждаю, что Когнитивный Вопрос и Типологический Вопрос могут получить совместимые ответы и что ответ на Типологический Вопрос предполагает немалый объем формального анализа. Но фактически на Типологический Вопрос предлагались и ответы, интегрировать которые с ответами на Когнитивный Вопрос кажется невозможным – и это привело некоторых функционалистов к утрате всякого интереса к характеристике знания языка.

Например, в некоторых примерах функционального анализа диахронная и синхронная информация смешиваются в одном и том же описательном утверждении. Очевидно, что такие утверждения не могут отражать знание языка – в качестве составной части такового ни у кого нет никакого представления о том, что было в прошлом. Другие функционалистские аналитические начинания ссылаются на типологические обобщения относительно языков мира – например, выясняется позиция каких-то аспектов конкретного языка относительно какой-то частной иерархии или выясняется, является ли какая-либо черта конкретного языка типологически редкой. Еще один тип грамматических описаний, подобных тем, в которых используются "вариативные правила" (variable rules), включает в себя обобщения о речевом сообществе в целом, которые нелегко представить себе пребывающими в головах индивидуальных носителей языка.

Едва ли можно ожидать, что носитель необычного языка "знает", что его язык необычен. У носителей языка хишкарьяна⁸ нет ни малейшего представления – явного или неявного – о том, что они говорят на одном из немногих известных в мире OVS языков. Равно и носителям языка дырбал неизвестно, что их язык необычен тем, что эргативность в нем наряду с морфологией проявляется и в синтаксисе.

Функционалист мог бы прийти к заключению, что формалистская приверженность характеристике знания языка сделала невозможной объяснение того, что и почему

⁸ Крайне немногочисленный по числу носителей изолированный язык на севере Бразилии (прим. перев.).

делает языки хищкарьяна и дьирбал необычными. Как заметила по этому поводу (в личном разговоре) С. Томпсон, "А чем знание так уж особенно замечательно?" (*"What's great about knowledge?"*). Позиция многих функционалистов заключается в том, что если мы рассматриваем конкретные языки в изоляции (или, уместнее сказать, концентрируемся на извлечении грамматического знания индивидуального носителя языка), то в каждом конкретном языке многое покажется произвольным и несистематическим. Но вот если мы изучим всю совокупность сил, влияющих на язык, т.е. если мы рассмотрим языки, то у нас появится надежда на объяснение того, что в языке является обычным, а что редким.

Приведу конкретный пример, используя материал своей статьи [Newmeyer 1992] и функционалистского ответа на нее [Croft 1994]. В [Sadock 1980; Mithun 1984] было обнаружено то, что выглядит как существование иерархии морфологической инкорпорированности имени. Если мы взглянем на многие языки с инкорпорационными процессами, то окажется, что легче всего поддаются инкорпорации (т.е. занимают на шкале инкорпорированности самую высокую позицию) нереферентные ИГ, за ними следуют ИГ, подвергшиеся трансформации понижения, за ними дискурсно данные ИГ, и на самом конце шкалы находятся полностью референтные ИГ⁹. Если в каком-либо языке ИГ, расположенная в какой-то точке шкалы, подлежит инкорпорации, то могут быть инкорпорированы и ИГ, расположенные на шкале инкорпорированности выше нее.

Когда имена морфологически инкорпорированы в качестве частей более сложных слов, им присуща меньшая по сравнению с неинкорпорированными именами концептуальная независимость, измеряемая их способностью иметь независимую референцию, подвергаться фокусированию или нести ударение. Поэтому отношения между инкорпорированностью и концептуальной независимостью выглядят иконическими – чем меньше независимость, тем выше инкорпорированность. Я доказывал, что это отношение легко может быть установлено в порождающей грамматике и заметил, что в некоторых языках (например, тех, которые, как южный диалект языка тива¹⁰, способны к инкорпорации ИГ, находящаяся в самом низу иерархии) иконическое отношение формы и значения не является частью грамматики.

Возражение У. Крофта сводилось к двум пунктам. Первый заключался в том, что мой анализ некорректно представил южный диалект тива как "контрпример" по отношению к обобщению относительно иконического отношения между формой и значением, тогда как на самом деле он таковым отнюдь не является. Реально им просто представлена крайняя точка в иерархии. Второй пункт возражений Крофта сводился к тому, что мой упор на грамматику конкретных языков, противопоставленный рассмотрению языка как целого в типологической перспективе, делает недостижимым объяснение рассматриваемой иерархии. Грамматики, по его мнению, могут быть способны к произвольному установлению некоторого отношения между формой и значением, но определенно не к его объяснению. Получение такого объяснения предполагало бы выход за пределы грамматики как таковой, изучение

⁹ Следует заметить, что переводя в "формалистские" термины иерархию М. Митан, в оригинале сформулированную в терминах коммуникативно-семантических ("функционалистских") и лишь специфицируемую путем указания на сопутствующие морфо-синтаксические явления, автор ощутимо смещает акценты и упрощает ее основные положения. Так, для характеристики максимальной инкорпорированности у Митан используется апелляция не к нереферентности как таковой, а к тому, что обозначаемая путем инкорпорации деятельность прагматически вычленима и значима и поэтому заслуживает специального обозначения (англ. *mountain-climbing* "скалолазание" vs. *ladder-climbing* "лестничелазание") – непонятно, зачем нужно это слово, разве что это такой спорт появился и т.п.; кстати, русские переводы, в отличие от английских оригиналов, соответствуют второй ступени иерархии); вторая ступень характеризуется как раз тем, что понижение является следствием инкорпорации, в нижней точке собственно инкорпорации подвергается родовое имя (как ограничитель сферы действия глагола), тогда как само референтное имя остается за пределами инкорпорированного комплекса и т.п. (прим. перев.).

¹⁰ Ветвь тано ацтеко-таоанских языков; распространен в штате Нью-Мексико. Тива был описан Дж. Харрингтоном, на которого сослался (и тем привлёк внимание к фактам данного языка) Э. Сепир в своей классической статье 1911 г. "Проблема именной инкорпорации в языках американских индейцев" [Сепир 1993] (прим. перев.).

всего множества причинных факторов, оказывающих на язык разнообразные виды воздействия (лишь одним из числа которых является стремление к иконичности), и их взаимодействия. Однако эти факторы не являются в узком смысле частью "знания языка".

Что касается первого пункта возражений Крофта, то он просто ошибается. Южный диалект тива действительно является контрпримером по отношению к любой претензии на то, что – в той мере, в какой речь идет об инкорпорации – между формой и значением имеется иконическое отношение. У носителей южного диалекта тива с очевидностью нет правила, сопрягающего в соответствующих конструкциях форму и значение иконическим образом. И уж, конечно, они знают о том, что их язык является контрпримером по отношению к принципу иконичности, ничуть не больше, чем о том, как расположен их язык относительно некоторой импликационной иерархии.

Теперь – как быть со вторым пунктом возражений Крофта, относящимся к объяснению самой разбираемой иерархии? Прежде всего, возможность того, что данная иерархия, фактически в прямом смысле, является частью нашего языка, существует. Другими словами, могло бы существовать некоторое множество связанных импликационными отношениями установок параметров¹¹, относящихся к процессам инкорпорации в языке. Или, что более правдоподобно, фиксируемые иерархией факты могли бы вытекать из какого-либо другого набора установок параметров или множества таких наборов. В таком случае, предположительно, южный диалект тива представлял бы собой случай наиболее маркированной установки.

Предположим, однако, вместо этого, что в общих чертах функционалистское объяснение верно – и что иерархия инкорпорируемости отражает эффекты иконической мотивации лингвистической структуры. Полная модель языка, включающая в себя порождающую модель языковой компетенции, без труда способна включить в себя и такое объяснение. Если человеческие существа отчасти движимы стремлением к установлению иконического отношения между формой и значением, то как локус этого стремления, так и его эффекты должны манифестироваться в ребенке, овладевающем языком. Следовательно, при прочих равных, надо ожидать, что дети будут воспринимать предоставляемые им входные данные и перанализировать их таким образом, чтобы сконструировать грамматики, в которых отношения между формой и значением являются более иконическими, чем в тех грамматиках, факты которых им предоставляются.

Таким образом, часть нашего знания языка есть продукт внешнего функционального влияния. Однако никто никогда и не утверждал, что в с е грамматическое знание является врожденным – как бы оно могло быть таким? Разве функциональные факторы никак не задействованы в придании формы этому знанию?

Если мотивирующие языковую структуру факторы, подробно обсуждавшиеся в функционалистской литературе, могут быть локализованы в терминах их возможных воздействий на процесс овладения языком, тогда, мне кажется, главная позиция разногласий между формалистами и функционалистами просто улетучится. С учетом допущения о том, что грамматики взрослых носителей языка не подвергаются постоянному оформлению и переоформлению с целью удовлетворения внешних нужд, автономность грамматики не будет ставиться под сомнение. Однако многие из функциональных объяснений должны бы подвергнуться проверке на основании исследований речевого развития.

Подведу краткий итог. Язык имеет форму и выполняет некоторое множество функций. До известной степени – до к а к о й и м е н н о, мы в настоящий момент с точностью указать не можем – форма языка является продуктом его функции. Однако

¹¹ Установка параметров (parameter setting) – понятие порождающей теории, используемое при описании грамматического разнообразия естественных языков в терминах процессов овладения языком (прим. перев.).

ясно одно. Если мы действительно заинтересованы в исследовании отношения между лингвистической формой и лингвистической функцией, нашей первой задачей должно быть построение формальной теории языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Cenur Э. 1993 – Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 385.
- Bach E., and Horn G.M. 1976 – Remarks on conditions on transformations // *Linguistic Inquiry* 7. 1976.
- Berwick R. and Weinberg A. 1984 – The grammatical basis of linguistic performance. Cambridge (Mass.). 1984.
- Bickerton D. 1984 – Language and species. Chicago, 1990.
- Chomsky N. 1973 – Conditions on transformations // *Festschrift for Morris Halle* / S. Anderson and P. Kiparsky (Eds.). N.Y., 1973.
- Chomsky N. 1975 – Questions of form and interpretation // *Linguistic Analysis* 1: 1975.
- Chomsky N. 1986 – Knowledge of language: Its nature, origin, and use. N.Y., 1986.
- Chomsky N., Halle M. 1968 – Sound pattern of English. N.Y., 1968.
- Chomsky N., Lasnik H. 1977 – Filters and control // *Linguistic Inquiry* 8, 1977.
- Comrie B. 1989 – Language universals and linguistic typology: 2-nd edition. Chicago, 1989.
- Croft W. 1990 – Typology and universals. Cambridge, 1990.
- Croft W. 1994 – Autonomy and functionalist linguistics (в печати).
- Deane P.D. 1988 – Which NPs are there unusual possibilities for extraction from? // *Chicago linguistic society* 24. 1988.
- Dixon R.M.W. 1977 – Where have all the adjectives gone? // *Studies in language* 1. 1977.
- Dryer M.S. 1992 – The Greenbergian word order correlations // *Language* 68. 1992.
- Emonds J. 1980 – Word order in generative grammar // *Journal of linguistic research* 1. 1980.
- Everett D.L. 1987 – Clitic doubling, reflexives, and word order alternations in Yagua // *Language* 65. 1987.
- Haiman J. 1983 – Iconic and economic motivation // *Language* 59. 1983.
- Hall Ch.J. 1992 – Morphology and mind: A unified approach to explanation in linguistics. London, 1992.
- Hawkins J.A. 1988 – On generative and typological approaches to universal grammar // *Lingua* 74. 1988.
- Hawkins J.A. 1994 – A performance theory of order and constituency. Cambridge, 1994.
- Jackendoff R. 1990 – Semantic structures. Cambridge (Mass.). 1990.
- Keenan E., Comrie B. 1977 – Noun phrase accessibility and universal grammar // *Linguistic Inquiry* 8. 1977.
- Kano S. 1987 – Functional syntax: Anaphora, discourse, and empathy. Chicago, 1987.
- Labov W. 1994 – Principles of linguistic change. V. 1: Internal factors. Oxford, 1994.
- Lieberman A. 1974 – The specialization of the language hemisphere. The neurosciences: third study program / Ed. by F. Schmitt and F. Worden. Cambridge (Mass.). 1974.
- Lightfoot D. 1991 – How to set parameters: Arguments from language change. Cambridge (Mass.). 1991.
- Martinet A. 1955 – *Économie des changements phonétiques*. Bern, 1955.
- Mattingly I. 1972 – Speech cues and sign stimuli // *American scientist* 60. 1972.
- Mithun M. 1984 – The evolution of noun incorporation. *Language* 60. 1984.
- Newmeyer F.J., Ed. 1988 – Linguistics: The Cambridge survey. V. 2. Linguistic theory: Extensions and implications. N.Y., 1988.
- Newmeyer F.J. 1991 – Functional explanation in linguistics and the origins of language // *Language and communication* 11. 1991.
- Newmeyer F.J. 1992 – Iconicity and generative grammar // *Language*. 68. 1992.
- Nichols J. 1992 – Linguistic diversity in space and time. Chicago, 1992.
- Pinker S., Bloom P. 1990 – Natural language and natural selection // *Behavioral and brain sciences* 13. 1990.
- Sadock J.M. 1980 – Noun incorporation in Greenlandic: a case of syntactic word formation // *Language*. 56. 1980.
- Thompson S. 1988 – A discourse approach to the crosslinguistic category "adjective" // *Explaining language universals* / Ed. by J. Hawkins. Oxford, 1988.
- Weiner E., Labov J. and W. 1983 – Constraints on the agentless passive // *Journal of linguistics*, 1983.
- Weinreich U., Labov W., et al. 1968 – Empirical foundations for a theory of language change // *Directions for historical linguistics* / Ed. by W. Lehmann and Y. Malkiel. Austin, 1968.
- Wierzbicka A. 1986 – What's in a noun? (or: How do nouns differ in meaning adjectives?) // *Studies in language* 10. 1986.

Перевели с английского
Т.Л. Ветошкина и П.Б. Паршин